

7105)
186

1963
О
КИНО

ИСКУССТВО КИНО

9
1963

«КОЗАРА»

О НОВЫХ
СЦЕНАРИЯХ, ФИЛЬМАХ
РАССКАЗЫВАЮТ:

ТЕНГИЗ АБУЛАДЗЕ

БОРИС АНДРЕЕВ

ЕКАТЕРИНА ВЕРМИШЕВА

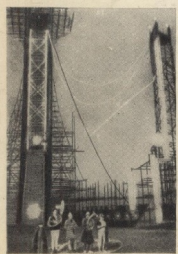
ЮРИЙ НАГИБИН

Вл. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Валерий УСКОВ

«ИМЯ СМЕРТИ —
ЭНГЕЛЬХЕН»

«ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ»

«ИСПОРЧЕННАЯ ДЕВЧОНКА»

Со знаком «ПЛЮС»

Не знаю, как вы, дорогой читатель, проводите свой летний отпуск, я же каждый год отправляюсь к морю. Взяв палатку, туристские принадлежности, мы вместе с приятелями разбиваем лагерь на самом берегу. Один из нас — дежурный — варит немудреный обед из привезенных консервов, а остальные в ожидании сигнала к трапезе плавают, вырлют, валяются на песке. Мы бросаем на месяц курить, забываем, что такое бритва, галстуки и другие атрибуты цивилизации, — одним словом, превращаемся в самых, что называется, натуральных «дикарей».

Герои фильма «Три плюс два»* — физик Сундуков, ветеран Роман и будущий дипломат Вадим — проводят свой отпуск так же, только им «не повезло»: их одиночество было нарушено вторжением двух девушек — Зои и Наташи, появление которых стало началом целого ряда комедийных недоразумений. Юноши принимают своих соседей по лагерю за сотрудников милиции, а девушки, в свою очередь, полагают, что друзья далеки от занятий умственным трудом. Борьба двух туристских лагерей постепенно переходит в привязанность, цельна недоразумений рассеивается, и все к общему благополучию оканчивается хорошо. Итог фильма? Он выражен, как и его название, математически: $3 + 2 = 4$. Как и следовало ожидать, две счастливые пары: Роман — Зоя и Вадим — Наташа, оставляют принципиального женовненавистника Сундукова в одиночестве. Впрочем, как известно, третий лишний...

История, рассказанная С. Михалковым и положенная в основу фильма, весьма непритязательна. Многие из того, что происходит на наших глазах, укладывается в традиционные формы легкого водевиля. Персонажи — особенно мужские — в какой-то мере сохраняют присущие водевилю ампула-маски, призванные заменить характеры. Режиссер, поверь он в серьезность происходящих событий, встал бы перед рядом непреодолимых трудностей. Пришлось бы искать объяснения поступков, в которых подчас нет логики, «нагружать» героев качествами, чуждыми им, нагнетать драматизм в тех местах, где в нем нет никакой необходимости (кстати, так и было во многих комедиях последних лет, благодаря чему они и лишились подлинной комедийности). Сделаю постановщик этот шаг, очевидно, не стоило бы писать специальной рецензии о фильме.

* Сценарий С. Михалкова. Постановка Г. Оганисяна. Оператор В. Шумский. Композитор А. Волконский. Художники А. Бауманн, Н. Панова. Звукооператор А. Патрикеева. Киностудия имени М. Горького и Рижская киностудия.

Но режиссер Генрих Оганисян не ограничился повторением пройденного, а стал работать в направлении, забытом в последнее время нашими комедиографами. Комедию положений, где-то граничащую с водевилем, он решил в эксцентрическом, почти буффонадном плане.

Мне могут возразить: а как же фильмы Л. Гайдая, его «Пес Барбос», «Самогошники», наконец, «Деловые люди»? Ведь все это эксцентричные вещи! Надо сказать, что язык комедий Гайдая восходит к немым фильмам прошлого, в них нетрудно усмотреть влияние ранних форм кинобуффонады. Оганисян же в своей картине, во всяком случае в лучших ее эпизодах, обращается к форме комедии, в которой самый диалог эксцентричен.

Поски, завершившиеся в «Три плюс два», были начаты в первых работах Генриха Оганисяна — «Девичий весел» (сняты совместно с В. Дорманом) и в «Приключениях Кроша». Но там это отнеслось на второй план в одном случае танцами «Березки», в другом — почти детективной историей пропавших амортизаторов. Да и по жанру первые картины нельзя целиком и полностью отнести к комедии. В фильме «Три плюс два» Г. Оганисян ищет острые средства комедийной выразительности, стремится заявить о своей индивидуальной художественной манере.

Есть фильмы, которые в сознании критика откладываются соответствующими «пластами»: составляешь мнение о сценарии, режиссуре, операторском решении, игре актеров и т. д. по отдельности. «Три плюс два» — картина иного рода. Здесь по черк режиссера, его видение определяют общее впечатление буквально с первых же кадров. «Шапка» комедии, придуманные режиссером смешные титры свидетельствуют о его творческой фантазии и являются как бы доминантой всего фильма. Уже здесь заложены лучшие черты комедии: ее импровизационная легкость, авторская прония, музыкальность, четкость.

В фильме немало сцен, смонтированных в стремительном ритме. В результате «Три плюс два», вероятно, побьет рекорд по числу кадров-планов в широкоэкранном фильме: их вдвое больше, чем мы привыкли видеть. Но это не производит впечатления суэстности или архаичности стиля. Напротив, титры картины, заставка и сцена грозы, сделанные в остром монтаже коротких кадров, относятся к лучшим сценам фильма, в то время как резкое удлинение планов в восьмой части (в ней всего 17 кадров по сравнению

«Три плюс два»

с 117 — в первой части)—разговоры Наташи с Вадимом и Зои с Романом на берегу моря — стало одной из причин вялости этих сцен. Конечно, в том, что в определенный момент поняв, чем все должно кончиться, и ожидая развязки, зритель начинает скучать, повинно прежде всего драматургическое

«Три плюс два»

строение вещи. Однако и известная ритмическая нечеткость играет здесь роль.

Исполнители ролей — актеры молодые, подвижные, обладающие хорошим, почти эстрадным чувством ритма. Особенно хорош А. Миронов в роли Романа: его походка вразвалку, короткие меткие реплики, мимика, в которой реакция на происходящее чуть запаздывает от реакции других персонажей, что создает возможность нелепым жестом или непреднамеренным движением подчеркнуть пластическое богатство образа, — все это создает яркий, живой характер. На мой взгляд, можно смело говорить о появлении нового комедийного таланта в нашем киноискусстве. А. Миронов, как и Е. Жариков (к сожалению, другие актеры — Г. Нилов, Н. Фатеева и особенно Н. Кустинская — в меньшей мере) подчас импровизируют перед аппаратом, вернее, играют роль в импровизационной манере: кажется, что они произносят слова или совершают действия, неожиданные и для самих исполнителей и для окружающих.

Дух импровизации лишний раз подчеркивает неприужденность авторской интонации и делает нас как бы присутствующими при рассказе занятой истории, в исходе которой и авторы и герои заранее уверены. нас не столько занимает направление развивающихся событий, сколько то, как к о них рассказано в фильме. В первоначальном варианте сценария это стремление авторов было подкреплено и структурно: в нескольких местах герои фильма вдруг обнаруживали, что за ними следит кинокамера, и, обращаясь к объективу, просили не вмешиваться в их жизнь. В фильме эти сцены не сохранились, а зря! Остался лишь напоминающий очерк Чапека «Как делается фильм» пролог, в котором показан режиссер, произносящий сакраментальное кинематографическое слово «начали!»

То, что следует за этим словом, воспринимается уже в шутливо-ироническом плане. Постоянное подтрунивание героев друг над другом, веселые шутки, остроумные репризы — все это создает ощущение жизнерадостности, оптимизма. Мы свиклись с тем, что гротеск, эксцентрика чаще всего связаны с подчеркиванием уродливого, высмеиванием отрицательного. Здесь же они служат противоположным целям.

...Иные зрители, возможно, будут на меня в претензии: мол, о такой веселой, бесхитроуной комедии-шутке говорит столь мудро. Но думаю, что именно любовь зрителей к комедийному жанру и далеко не частые успехи в этой области заставляют задуматься над теми средствами, над тем языком, которыми владеет искусство смешного в кино. Пусть не все удалось авторам картины «Три плюс два», но и то, что завоевано этим непритязательным фильмом и в первую очередь его режиссурой на тернистом комедийном пути, по-настоящему радует.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30